

ЗОЛотова Г. А.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Коммуникативная лингвистика, ставя в центр внимания говорящую личность, ориентируется на изучение речевого акта в совокупности его языковых, прагматических, психологических, социальных параметров. Это область взаимодействия смежных наук, обогащающих друг друга точками зрения, методами, результатами.

Развитие названного направления исследований приобретает все более экстенсивный характер. При этом, отходя от речевого акта, часто уходят от него, не извлекая ту собственно лингвистическую информацию, которая в нем заключена. Возникает вопрос, подготовлена ли лингвистика к обсуждению общих, смежных задач. На этот вопрос пока трудно ответить позитивно, поскольку лингвистическая наука, особенно в синтаксическом ее разделе, ведающем речевым актом, не всегда учитывает заложенную в каждом типе предложения его предназначенность к определенным видам коммуникативного действия. В этом смысле синтаксис как область лингвистического знания представляет пока ситуацию неиспользованных возможностей.

Плодотворное развитие коммуникативной лингвистики предполагает разработанность ее синтаксических оснований. Можно думать, что синтаксическая наука, накопив на витках разных научных увлечений и направлений множество сведений о структурных, семантических, прагматических, функциональных свойствах своих объектов, вступает в период, когда необходимы синтез, интеграция этих сведений. Устремленность в план коммуникативно-речевых интересов, стимулируя эту потребность, должна способствовать систематизации синтаксических знаний, критической оценке накопленных сведений, преодолению инерционности мышления.

В статье предлагается способ представления типов русских предложений в единстве их структурно-семантических и функционально-коммуникативных характеристик. Изложение этого способа предваряется некоторым обоснованием подхода к проблеме.

Возможности упорядочения реального многообразия синтаксических моделей зависят от того, что мы видим в составе предложения, какую информацию вызволяем из языковых данных. Концептуальная ценность этой информации определяется тем, насколько она соответствует сути языкового построения, его коммуникативно-смысловому назначению.

Можно предположить, что изначально грамматические описания создавались на основе здравого смысла и следовали именно этим принципам. Этот здравый смысл получил выражение в части грамматических классификаций и в методике школьных вопросов. *Ученик пишет* — «Что он делает?»; *Старик скуп* — «Каков он?». Подобные вопросы легко переформулируются на языке современной лингвистики в типовое, или структур-

но-семантическое, значение предложений как сообщений соответственно о действии лица или свойстве предмета (лица).

Однако следующий шаг грамматического абстрагирования допустил механическое распространение полученного знания на иные модели по их внешнему подобию. Когда грамматика призывают искать ответ на вопрос «Что делает предмет?» в предложениях *Лес шумит*, *Закат розовеет* или находить адъективное сказуемое с дополнением в предложении *Старик скуп на похвалы*, происходит отрыв грамматической интерпретации от здравого смысла: лес и закат по природе своей не способны что-либо делать, и в предложениях сообщается не о действиях предметов, а о состоянии или изменении качества; предикативная же характеристика старика заключается теперь уже не в качестве *быть скупым*, но в расположенности/нерасположенности к действию *хвалить* (ср.: *Старик не любит хвалить, редко хвалит, не склонен хвалить*), а прилагательное *скуп* выступает здесь как неполнозначное, модальное слово. Привычное почтение к лучше изученным морфологическим показателям мешало увидеть то взаимодействие морфологии и семантики, которое и порождает собственно синтаксические явления.

Именно от этого пункта движения лингвистической мысли грамматисты оказывались перед выбором дальнейшего пути. Значительная часть их принимала сложившиеся каноны как должное. Для оправдания натяжек была найдена теоретическая база в концепции автономности синтаксического и семантического «уровней».

Другая часть грамматистов в разрыве между грамматической интерпретацией и здравым смыслом услышала тревожный сигнал несоответствия устоявшихся грамматических представлений реальному устройству языка.

Теоретически положение усугублялось тем, что сторонники традиционного синтаксического канона искали опору в идее С. Карцевского об асимметрическом дуализме языкового знака. Расхожее толкование этого плодотворного тезиса становилось как бы равнозначным утверждению принципа несовпадения формы и содержания в предложении. Между тем мысль С. Карцевского, как представляется, имеет в виду прежде всего зону симметрии, совпадения основного значения и средства его выражения, оставляя при этом обозначенные в схеме стрелками возможности вариативного выражения того же значения другими средствами или использования тех же средств в других целях. С. Карцевский разграничивает «адекватную» (обычную) и случайную, транспонированную ценность знака, говорит об одновременной неизменности и подвижности лингвистического знака.

Асимметрия формы и содержания означает возможность выбора средств выражения из ряда существующих в данном языке, но феномен языка в том и заключается, что результатом выбора является (или должно быть) максимальное соответствие содержания и предназначенной для него формы, иначе говорящим не удалось бы достичь своих коммуникативных целей. В зонах совпадения, симметрии — опорные пункты системы и гарантия ее коммуникативной реализации, на периферии системы — асимметричные проявления, создающие дополнительные выразительные возможности системы и условия ее эволюции.

Приведенные выше примеры показывают, что несовершенство привычных объяснений, разрыв между «формой», понимаемой только морфологически, и содержанием вытекает из того, что не принимается в расчет реальная природа вещей, получающая отображение в категориальной дифференциации грамматико-семантических подклассов частей речи. Сдело-

вательно, интеграция аспектов наблюдения должна сопровождаться еще и необходимой дифференциацией. По пути преодоления этих несовершенств и направляются дальнейшие поиски.

Так складываются предпосылки анализа предложения, обобщающим результатам которого предстоит вылиться в систематическую классификацию синтаксических моделей.

Предпосылки эти следующие:

1) Должен быть установлен уровень абстракции, на котором языковые элементы становятся синтаксически релевантными.

Знаменитая экспериментальная фраза Л. В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка», многократно толковавшаяся лингвистами, ценна и тем, что дает четкое представление о границе между лексикой и синтаксисом. Грамматичность этого предложения позволяет понять, что речь идет о действиях одного живого существа по отношению к другому и его детенышу. Оставшееся неизвестным относится к лексике, к индивидуальным лексическим значениям. Известное содержит достаточную информацию о категориально-семантическом значении компонентов, организующих синтаксическую конструкцию. Это и есть уровень синтаксической релевантности.

2) На этом уровне выделяются компоненты предложения как части целого, являющиеся одновременно носителями структурных и семантических значений.

Согласно набору своих докоммуникативных потенций каждая элементарная единица русского синтаксиса — синтаксема — реализует одну из своих возможностей в данной модели, выступая в качестве либо одного из двух организаторов предложения — преддицируемого или преддицирующего компонентов, либо в качестве распространителя. Синтаксем, не имеющие других возможностей, кроме присловной позиции, участвуют в предложении в качестве внутрикомпонентных распространителей.

3) Реализуя речемыслительный акт сопряжения имени предмета и имени признака, предложение принципиально двусоставно.

В традиционную рубрику односоставных неправомерно зачислялись предложения:

а) с преддицируемым компонентом в неноминативной форме, обозначающим лицо-носителя состояния (*Ему нездоровится, Всем весело, Больного знобит, У него кашель*);

б) с преддицируемым компонентом, обозначающим неноминативной формой место-среду, характеризующую состоянием (*В доме пусто, За окном светает, На дворе мороз*);

в) неполные речевые реализации моделей а) и б) с опущенным в силу избыточности или названным в контексте преддицируемым (*Грустно. Светает. Мороз*);

г) регулярные структурно-семантические модификации ряда моделей, о которых речь будет ниже.

В сопоставительном плане в связи с этим можно отметить не противопоставленность русских односоставных моделей двусоставным моделям других языков, как это обычно констатировалось, а две особенности русского синтаксиса:

(1) Большее, по сравнению с прежними представлениями, многообразие семантико-грамматических типов субъектно-предикатных отношений, выраженных в неноминативных моделях предложений;

(2) Меньшую конструктивную жесткость языковых моделей в речевых реализациях.

Если предложение рассматривается как основная коммуникативная единица речи, т. е. основной выразитель социально обращенной передачи смысла, то грамматике предстоит наблюдать служение смыслу на всех ступенях синтаксической организации — от синтаксемы до текста. Вытекающая из такого понимания задача научного анализа — создать типологию смыслов, выражаемых синтаксическими единицами, либо типологию единиц, средств, выражающих эти смыслы. В том и другом случае это двусторонняя задача, односторонней она быть не может, иначе любая теория утрачивает соотносительность с изучаемым объектом. Точка же отсчета — «от формы к значению» или «от значения к форме» — вопрос не методологии, а методики.

В научном представлении о предложении как об основном объекте синтаксического исследования должны быть систематизированы фокусирующиеся в этом объекте проекции:

а) характера отношений внеязыковой действительности, составляющих типовое содержание предложения; б) характера речемыслительного процесса, разных ступеней сложности; в) типа коммуникативного действия, реализуемого в речевом акте.

Сущностные характеристики предложения, отвечающие на вопросы: что выражает предложение, чем, какими средствами и для чего, для какой коммуникативной цели определяют место того или иного типа предложения в системе синтаксических моделей.

Системность знания — то же, что результативность. Если наши сведения о языке организованы в систему, отражающую действительные принципы языкового устройства, эта система создает пересечения координат, узлы, порождающие новые знания, объясняющие не наблюдаемые непосредственно связи и следствия.

Главный источник информации о типах предложения — в характеристике организующих модель предикативно сопряженных компонентов. Предикатирующий компонент обнаруживает соответствие между выражаемыми им типами категориальных отношений действительности (действие, состояние, качество, количество) и категориально-грамматическим значением основных частей речи, выражающих эти отношения (глагол, предикативное наречие, прилагательное, числительное).

Субъектный, предикатируемый компонент, вступая с предикатом во взаимобусловленную по содержанию и по форме связь, избирательно предстает в одной из релевантных разновидностей: предметный субъект/непредметный (отвлеченный, пропозициональный), личный/нелично-предметный. Предложения с личным субъектом (номинативным и ненминативными) располагают, кроме модальной и временной, также и личной парадигмой, которой нет у предложений с неличным субъектом.

Предложения с пропозициональным субъектом представляют осложненную, полипредикативную конструкцию, со своим набором квалификативных, каузативно-модальных, оценочных предикатов.

Различаются два способа соотносительности внеязыкового категориального значения с языковыми средствами: прямой, или изосемический способ, при котором отображаемое категориальное значение соответствует основному категориальному значению данной части речи, и косвенный, не изосемический способ, оперирующий периферийными значениями части речи при посредстве вспомогательных слов (ср.: *Испытывают новый прибор. Прибор точный и надежный.* — *Проводятся испытания нового прибора. Он отличается точностью и надежностью*). Соответственно изосемические модели пред-

ложений занимают центральное место в синтаксической системе, неизосемические размещаются на периферии синтаксического поля.

Как по линии предикатного, так и по линии субъектного компонента исходные модели дают ряд структурно-семантических модификаций, связанных с приращением некоторого смысла на определенную величину, но без нарушения тождества модели.

Предикатный компонент способен включать в свой состав вспомогательные слова с фазисным и модальным значением. Способность к фазисным и модальным модификациям не универсальна, она регулируется такими свойствами модели, как динамичность/статичность предикативного признака и личность/неличность субъекта.

Модификации по линии субъекта свойственны преимущественно глагольным моделям с личным субъектом. Опускание, неназванность субъектного компонента приобретает здесь одно из трех семантико-синтаксических значений: определенно-личного, неопределенно-личного и обобщенно-личного субъекта. Те же значения могут быть и выраженными с помощью местоимений (ср.: *Мы копаем* — *Копаем*; *Кто-то стучится* — *Стучится*). К значимости различий между двумя способами выражения вернемся позже.

Некоторые глагольные предложения с неличным субъектом также склонны к опущению субъектного компонента, создающему неопределенно-предметное значение, в случаях, когда субъект действия неизвестен или устранен за ненадобностью (ср.: *Во дворе грохнуло* — *Во дворе что-то грохнуло*) либо когда именование субъекта избыточно (*Погромы хлещет* — о громе, грозе; *По крыше дробно застучало* — о дожде).

С точки зрения соотносительности с речемыслительным процессом различаются предложения, сообщающие о явлениях действительности, наблюдаемых, воспринимаемых сенсорно, и предложения, информирующие о результатах, анализирующей, обобщающей, оценивающей мыслительной деятельности. Называем первые предложениями аперцептивного ранга, вторые — предложениями информативно-логического ранга. Одни типы предложений способны служить обоим рангам (ср.: *Облокаются*, *Татьяна пишет* и *Он славно пишет, переводит*), другие закреплены за одним из них (например, модели типа *Пред ним царские палаты*, *Мороз и солнце* — за аперцептивным; модели типа *Обычай деспот меж людей*, *В камни стрелять* — стрелы *терять*, *Утро вечера мудренее* — за информативно-логическим).

Изучая предложение как единицу, замкнутую в самой себе, лингвистика лишает себя возможности проверить достоверность и действенность теоретических рубрикаций речевой жизнью предложения. По ходу развития интереса к межпредложенческим связям, к тексту возникает барьер, прерывающий естественное движение научной мысли. Вера в неизбежность традиционной грамматики делает этот барьер неодолимым, разводя проблематику предложения и текста по разным направлениям, как бы не признавая между ними отношений части и целого и их общего коммуникативно-смыслового назначения.

Между тем к совокупностям предложений, к тексту применим тот же исследовательский инструментарий: вопросы *что? как? для чего?*

Выявление типов рематической доминанты — акциональной, стативной, предметной, качественной и др. — показало, что смысловая общность фрагментов текста получает выражение в сочетаниях предложений однородной структурно-семантической организации и однородного актуаль-

ного членения. Текст как произведение речевой деятельности отбирает соответствующие синтаксические модели для реализации содержания определенного типа.

Заложенная в каждом предложении способность к осуществлению того или иного коммуникативного действия предопределяет участие предложений в разных типах текста, или в типах коммуникативно-речевых регистров. Различаются по коммуникативной функции (для чего?) четыре регистра: 1) репродуктивный, 2) информативный, 3) волюнтивный, 4) реактивный. Единицами текста, реализующими тот или иной регистр, являются фрагменты, или блоки, текста, объемом от одной до группы предикативных единиц.

Повествовательная монологическая речь двумя основными разновидностями представлена в репродуктивном и информативном регистрах. Языковыми средствами разграничения их служат, кроме избирательности синтаксических моделей, признаки референтности/не-референтности имен и видо-временных категорий глагола. Коммуникативное назначение репродуктивной речи — воспроизведение языковыми средствами наблюдаемой говорящим (перцептором) картины его хронотопа; назначение информативной речи — сообщение фактов и мыслей вне отнесенности к перцептору-наблюдателю, вне конкретной длительности, вне определенного хронотопа. Ср. закрепленность за информативным регистром неизосемических конструкций: *Вода отличается прозрачностью, Вода — условие жизни; Текут невинные беседы С прикрасой легкой клеветы* (Пушкин) и двоякую возможность использовать изосемические модели *Вода прозрачна, Друзья беседуют* как в актуально-наблюдаемом смысле, так и в узואально-обобщающем. Так же из приведенных выше пар лично-субъектных моделей для модификаций с опущенным субъектом [*Копаем, Стучатся; Гляжу как безумный на черную шаль* (Пушкин)] фиксирована репродуктивная функция, модели же с названным субъектом способны употребляться в том и другом регистре. Аналогична значимость различий и в паре предложений с неопределенно-предметным субъектом (*Загрохотало — Что-то загрохотало*).

Волюнтивные и реактивные речевые действия — разновидности диалогической речи, в тексте связаны с репродуктивным регистром. Закономерности взаимодействия встречаемости регистров проявляются в композиции текстов разных видов общественно-речевой практики. Одни из них формируются средствами единственного регистра, чаще информативного (например, информативная газетная заметка, научная статья, докладная записка), другие — устойчивыми или свободными комбинациями комплексов средств разных регистров (например, в газетном очерке, в радио- и телерепортаже, в эпистолярных жанрах, в языке художественной литературы).

С точки зрения коммуникативно-регистра-вых функций, воплощающихся в тексты различного общественно-речевого назначения, обратимся снова к предложенным принципам классификации синтаксических моделей и устройства синтаксического поля: релевантны ли они, работают ли на более высокой ступени речевой организации?

Наблюдения показали следующее:

- 1) Оппозиции репродуктивные/информативные типы речевых действий в основном соответствуют оппозиции изосемичных/неизосемичных языковых средств, исходной модели/ее модальных и субъектных модификаций,

апперцептивных моделей/информативно-логических, при этом маркированными следует считать вторые члены пар.

2) Средствами непостоявательных регистров, волюнтивного и реактивного, служат чаще модификации основных моделей, грамматико-семантические, коммуникативно-экспрессивные.

Требуют дальнейшей разработки и детализации вопросы разновидностей основных коммуникативных регистров, вопросы речевых функций разных видов модификаций исходных моделей, но в целом можно полагать, что выдвинутая гипотеза о взаимной обусловленности, о внутрисистемных связях между сущностными характеристиками предложения — его семантико-синтаксического устройства и коммуникативной функции — может служить критерием ценности синтаксических квалификаций. Понятие языковой системы, упорядочивающее многосторонние связи синтаксических единиц, в таком смысле не противопоставляется функционально-коммуникативным аспектам лингвистики, а включает как непереносимое условие адекватности объекту причинно-следственные зависимости между соответствующими его характеристиками.

Изложенное позволяет думать, что сопоставление русского синтаксиса с синтаксической организацией других языков плодотворнее вести не по рубрикам традиционной грамматики, а по координатам сущностных признаков, возможно, пересекающимся в разных языках в разных точках системы и порождающих иные следственные связи между явлениями. По предварительным данным, названная оппозиция частично реализуется и в ряде других славянских языков, соотношение регистров может служить одним из оснований различий в употреблении лично-подлежащей модели и ее бесподлежащей модификации (типа чеш. *My čteme* — *Čteme*, польск. *Ja piszę* — *Piszę*, болг. *Аз се радвам* — *Как се радвам*, укр. *Ми читаємо* — *Читаємо* и под.). Известна, однако, значительно большая, по сравнению с русским, распространенность бесподлежащих членов пары в чешском, польском и других языках, в связи с иной их дистрибуцией. В порядке постановки вопроса можно предположить, что функционально-коммуникативные наблюдения окажутся перспективными для дальнейшей систематизации синтаксических явлений и в отдельно взятых языках и в сопоставительном плане.